

- С. 59-65.
5. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. А.Н. СССР Сер. лит и яз. 1993. – Т. 52, № 1.
6. Моспанова Н.Ю. Концептуальная оппозиция «ДОБРО – ЗЛО» в фольклорной языковой картине мира (на материале русских народных сказок) дисс. на соиск. уч.ст. к. ф. н. Брянск 2005.
7. Словарь русского языка в 4-х томах. Т. 1. – М., 1985.
8. Шаталова О.В. Концепт Бытие в русском языке: история и современное состояние. М.: Изд. МГОУ, 2009. - 319.

УДК 81.366:811.161.1

Кирюхина Н.А.

Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева» (г. Саранск)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ*

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу функционирования видо-временных форм глаголов в художественном тексте. Автором рассмотрены возможности видо-временной соотносительности глагольных форм. Выявлены семантические особенности видо-временных форм глаголов с точки зрения их функционирования в конкретном художественном тексте. Доказано, что видовые формы могут варьировать не только в разных временных планах, но и в зависимости от той или иной функционально-семантической разновидности одного и того же времени.

Ключевые слова: глагол, грамматическая категория, категория вида, категория времени.

N. Kiryukhina

PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF THE TEMPORARY FORMS OF VERBS IN FICTION

Abstract. This article is devoted to the analysis of the functioning of the temporary forms of the verbs in fiction. Possibilities of the temporary correlative forms of the verb are considered in this article. The semantic peculiarities of the temporary forms of the verbs in a text of art are exposed in the work. The category of aspect can be used not only in different temporary plans but also according to the functional-semantic variety of the time.

Key words: a verb, a grammatical category, a category of aspect, a category of time.

Особую роль в системе грамматических категорий глагола в процессе его функцио-

нирования имеют категории вида и времени, соотносимые друг с другом в различных высказываниях. Являясь организующим центром глагольного предложения, средством выражения синтаксического времени, видо-временные формы глагола взаимодействуют и соотносятся друг с другом в строе предложения и – шире – в составе текста.

В отечественном языкознании в течение длительного времени учение о виде заслоняло учение о категории времени. Система взаимоотношения времен русского глагола с видом оставалась недостаточно разработанной вплоть до середины XX века, хотя в данной области за это время и был выдвинут ряд важных замечаний и положений.

Одни ученые рассматривали вид как категорию, обозначающую распределение действия во времени (Н.И. Греч, А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, А.А. Потемня, А.М. Пешковский), другие (А.А. Шахматов, В.А. Богородицкий) считали, что вид – это способ протекания действия, а третьи (В.В. Виноградов, Н.С. Авилова и многие другие) рассматривали вид как категорию, выражающую действие в отношении к его пределу, результату.

В освещении вопроса о временах русского глагола в их отношении к видам в лингвистической литературе четко прослеживаются два направления. В первых русских грамматиках (грамматика Н.И. Греча, А.Х. Востокова) прослеживается тенденция к обособленному рассмотрению категорий времени и вида с преимущественным вниманием к виду. В русистике грамматическая тенденция к расчленению и обособлению категорий

* © Кирюхина Н.А.

вида и времени не достигла абсолютного предела. Связь этих категорий так или иначе отмечалась хотя бы и в констатации того факта, что несовершенный вид имеет три времени, а совершенный – два. Согласно второй точке зрения, категории вида и времени рассматриваются как самостоятельные, но связанные друг с другом категории. В настоящее время внимание к изучению и функционированию вида и видо-временных форм глаголов усилилось (Т.Е. Шаповалова, В.Н. Завьялов, Е.В. Петрухина).

Значительный вклад в разработку вопросов вида и времени внес А.В. Бондарко. В своих трудах ученый отмечает, что «видовые формы могут варьировать не только в разных временных планах, но и в зависимости от той или иной функционально-семантической разновидности одного и того же времени (одного и того же временного ряда)» [Бондарко А.В., 1976, с. 259].

Особо выделяет А.В. Бондарко временные планы, не ограничивающие функционирование как совершенного, так и несовершенного вида, и временные планы, ограничивающие функционирование того или иного вида. Такой подход обеспечивает учет широкого контекста. Причем в ряде случаев возникает возможность синонимической замены одних форм другими (например, форм прошедшего времени совершенного и несовершенного вида или форм несовершенного вида настоящего и прошедшего времени), их параллельного употребления. Это обусловлено, прежде всего, тем, что развитой литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимичных средств выражения, так или иначе соотносенных друг с другом. Именно благодаря этому возникает не только возможность, но и требование тщательного отбора языковых средств, используемых в речевой практике, в любой ее сфере. Этого требует стремление сохранить, обеспечить четкость и ясность высказывания, максимальную «доходчивость» последнего до адресата.

Несравненно более сложным является отбор языковых средств, в том числе и видо-временных форм глагола, в художественных текстах. Ведь в художественной литературе слова, их формы и сочетания, находясь в составе предложения, кроме своего основного назначения – быть средством коммуникации, сообщения, несут и дополнительную нагрузку – служат художественным средством изображения действительности.

В этой связи интересно проанализировать состав видо-временных контекстов в повествовательной части конкретных художественных произведений, где особо ярко демонстрируются функционально-семантические и изобразительно-выразительные возможности видо-временных форм русского глагола. Для этой цели были выбраны «фантастический рассказ» Ф.М. Достоевского «Кроткая» и рассказ А.С. Серафимовича «Сопка с крестами».

Произведение Ф.М. Достоевского «Кроткая» отличается сказовой формой, представляющей собой монолог героя – Закладчика, который он произносит у гроба своей жены-самоубийцы, обращаясь то к самому себе, то к невидимому слушателю. Заглавие произведения полифонично: с одной стороны, оно выражает оценку рассказчика и отсылает к его речи; с другой стороны, отражает точку зрения автора.

Рассказ А.С. Серафимовича «Сопка с крестами» – это рассказ не о борьбе, а о большой любви, которая преодолевает огромное пространство и препятствия, чтобы вселить веру в жизнь, в счастье.

Коммуникативно-синтаксическая структура повествовательной части произведений является достаточно сложной, многогранной, что во многом достигается последовательностью сцеплений видо-временных форм глагольных сказуемых: прошедшего совершенного, прошедшего несовершенного, настоящего исторического и различных их комбинаций, а также участием в оформлении структуры предложений разнообразных лексических средств.

Повествование в анализируемых произведениях начинается с описания обычных, не раз повторявшихся действий, например: «*Это вот как было...*»: «*...она, просто-запросто, приходила ко мне тогда закладывать вещи...*»: «*...только что получала деньги, тотчас же повертывалась и уходила...*» [Достоевский Ф.М., 1986, с. 444].

В приведенных примерах использованы глагольные формы прошедшего несовершенного (*приходила, получала, повертывалась, уходила*), основная функция которых – замедление действия, функция обрисовки какого-либо продолжительного состояния персонажа. Формы прошедшего времени несовершенного вида в подобных случаях участвуют в передаче повторяющихся действий или нерасчлененной цепи последовательно сменяющихся друг друга событий.

Как у Достоевского, так и у Серафимовича, начиная с сюжетной завязки и до развязки всего произведения, повествование развивается лаконично, образуются контексты ускоренных конкретных действий, например: «...Тихонько встала, оделась и вышла. Ничего нельзя было сказать нового, уже ничего нельзя было добавить. Кто-то мертвыми, холодно-синими губами сказал: «Аминь» [Достоевский Ф.М., 1986, с. 471]; «И она оглянулась и вздохнула вздохом облегчения... Все остановилось: солнце, люди, экипажи, шум улиц. Уже не придет весна обновляющей новизной. Жизнь остановилась на роковых словах недочитанного письма» [Серафимович А.С. 1966, с. 171]; «К вечеру она воротилась, я ни слова»; «На завтра тоже с утра ушла, на послезавтра опять. Я запер кассу и направился к теткам...» [Достоевский Ф.М., 1986, с. 466].

Употребление глагольных форм прошедшего времени совершенного вида указывает на совершившиеся действия, логический результат какого-либо продолжительного состояния, или, наоборот, на единичные события, например: «Да, тогда случилось со мной нечто странное и особенное, иначе не умею называть: я восторжествовал, и одного сознания о том оказалось совершенно для меня довольно. Вот так и прошла вся зима»; «Раз только я позволил себе усмехнуться на ее вещи»; «И вдруг меня тут же поразило, что она такая стала тоненькая, худенькая...» и др. [Достоевский Ф.М., 1986, с. 445].

Часто повествование героя у Достоевского приостанавливается, и в тексте рассказа возникают сцены, отражающие определенные временные отрезки (при этом общий временной план прошлого сохраняется). В их создании огромную роль играют формы настоящего исторического и прошедшего несовершенного «конкретного», а также лексические указатели времени и конкретные высказывания героев, например: «Ну, одним словом, вдруг через пять дней приходит обменять на браслет, который не стоил и восьми рублей; я, разумеется, отказал»; «Тут же, младшую тетку, девицу, за сто рублей и подкупил и 25 дал вперед. Через два дня она приходит ко мне: «Тут, говорит, офицер, Ефимович, поручик, бывший ваш врач прежний товарищ в полку замешан...» [Достоевский Ф.М., 1986, с. 456].

У Серафимовича же общий план – это надежда на будущее. Например:

«Жизнь складывалась из кусочков,

без плана, без определенно поставленной ближайшей цели, с постоянным и смутным сознанием, что, в конце концов, куда-то придет, устроится, что-то будет достигнуто, и она увидит дорогого человека» [Серафимович А.С., 1966, с. 173].

В большинстве случаев начало той или иной сцены обозначается лексическим указателем времени, когда происходил соответствующий эпизод. Например: «В этот раз, то есть от Мозера, она принесла сигарный янтарный мундштук...» [Достоевский Ф.М., 1986, с. 445]; «Я решил ее тогда в последний раз испытать...» [Достоевский Ф.М., 1986, с. 446]; «И вот, месяц после того, в пятом часу, в апреле, в яркий солнечный день я сидел у кассы и вёл расчёт» [Достоевский Ф.М., 1986, с. 446]; «Итак, на завтра, я стоял в этой комнате за дверями...» [Достоевский Ф.М., 1986, с. 458].

Начало сцены может быть определено только грамматически, видо-временными формами сказуемых. Например: «Я вошёл в комнату, она сидела на прежнем месте, шила, наклонив голову, но уже не пела» [Достоевский Ф.М., 1986, с. 467]; «Я только помню, что, когда я в ворота вошёл, она была ещё тёплая» [Достоевский Ф.М., 1986, с. 472]; «...ведь когда мы сошлись давеча у самовара..., то она даже сама поразила меня своим спокойствием... А я-то всю ночь трепетал от страха за вчерашнее. Но вдруг она подходит ко мне, становится сама передо мной и, сложив руки, начала говорить мне, что она – преступница...» [Достоевский Ф.М., 1986, с. 471].

В первых двух случаях «остановка» повествовательного движения создаётся благодаря сочетанию форм прошедшего совершенного с формами прошедшего несовершенного, при этом формы прошедшего совершенного в таком видо-временном контексте приобретают перфектное значение, а формы прошедшего несовершенного – значение конкретно-единичного, то есть неповторяющегося действия, и – во втором случае – такого же, конкретно-единичного состояния: результат только что осуществившегося действия как бы упирается в начавшийся ранее процесс и далее сосуществует с ним, выполняя роль временного ориентира. В последнем примере грамматическим сигналом перехода к «сцене» служит настоящее историческое.

Особо следует выделить отрезки повествования, в которых сочетания видо-временных форм глаголов, «двигая рассказ»,

участвуют в то же время в обрисовке взаимоотношений его героев. Так, в нескольких местах рассказа однотипно передается конфликтное соотношение или контрастное столкновение действий, исходящих от героя и от героини: за глаголами-сказуемыми (или одним глаголом) в форме прошедшего несовершенного, изображающими неоднократно повторяющиеся действия, или обобщенно-длительное действие, или неопределенно-длительное состояние, следует глагол-сказуемое в форме прошедшего совершенного, контекстное значение которого заключает в себе отрицательную реакцию на все предшествующее: «субъектом» одной из частей этих своеобразных периодов является «он» («я»), субъектом другой – «она», например: *«Что бы ни делала, смеялась ли, или шла по улицам, болтала в гостях, читала или открывала шурящиеся от утреннего света глаза, всегда один и тот же постоянный, не теряющий своей остроты, не ослабляемый временем вопрос вставал: а он?»* [Серафимович А.С., 1966, с. 168]; *«Покрывалась земля снегом, белели крыши, верхушки фонарей...а он? Стояли в цвету яблони, пахло зацветающей сиренью, дымилась черная отдохнувшая земля... что-то с ним? Жгло полуденное солнце желтеющие поля, блестела знойным блеском река... Но над ним такое ли солнце?»* [Серафимович А.С., 1966, с. 169]; *«Годы проходили неумолимо и безжалостно, все менялось, но все то же оставалось: «А он?»* [Серафимович А.С., 1966, с. 169].

Художественный мир Ф.М. Достоевского и А.С. Серафимовича, мир трагических контрастов и страстных поисков идеала, предельно динамичен. Это достигается варьированием видо-временных форм. С помощью глаголов несовершенного вида (настоящего и прошедшего времени) повествование в текстах замедляется, останавливается. При этом формы прошедшего времени несовершенного вида, как правило, участвуют в передаче повторяющихся действий или нерасчлененной цепи последовательно сменяющихся друг друга событий, а формы прошедшего времени совершенного вида – единичных событий. Глаголы совершенного вида ускоряют действие, выразительно рисуют стремительно разворачивающиеся события, создают энергию и напряженность повествования, доводят его до логического завершения.

Кроме того, если формы прошедшего времени несовершенного вида используются для обрисовки какого-либо продолжительно-

го состояния персонажа, то формы прошедшего времени совершенного вида указывают на логический результат какого-либо продолжительного состояния, или, наоборот, действие, повлекшее за собой состояние, выраженное формами глагола прошедшего времени несовершенного вида. При этом значения форм совершенного и несовершенного вида иногда могут меняться местами или заменяться настоящим историческим, в то же время формы прошедшего времени несовершенного вида могут замещаться формами настоящего времени несовершенного вида.

В оформлении видо-временных контекстов в качестве дополнительных средств авторы анализируемых произведений используют также лексические и синтаксические выразительные средства, например:

«Приходили ночи, томительные, долгие, с колеблющимся неверным полумраком, с мерцающей свечой, сдвигающимися по сонным лицам, покачивающимся стенкам и потолку теням, с немолчным говором колес. Проходили дни еще более томительные, с несвязными дорожными впечатлениями и разговорами, с забывающимся гулом и стуком, к которому привыкло ухо и который ощущался только в молчании, когда поезд стоял на станциях. А впереди лежали целые недели и тысячи верст пути.

И среди скучного однообразия одним немеркнущим представлением упрямо стояла сопка с крестами. Угрюмая, одинокая, она заслоняла будущее, прошлое, заслоняла мысли, соображения, предстающие, неодолимые препятствия, стояла, заслоняя небо, одна во вселенной, молчаливая, немая с непокорной тайной.

Поднимала глаза, с изумлением глядя на привычно проходящих кондукторов, на потные лица пассажиров, прислушивалась...» [Серафимович А.С., 1966, с. 171].

Однообразие жизни и томительность ожидания подчеркиваются однотипностью глагольных форм (*проходили, приходили, лежали, стояла* (3 раза), *заслоняла* (2 раза), *поднимала глаза, прислушивалась*). На этом фоне причастные образования настоящего времени или приобретают качественное значение в одном ряду с прилагательными (*колеблющийся неверный полумрак, мерцающая свеча*), или создают дополнительный оттенок неустойчивости (*покачивающиеся стенки и потолки, забывающиеся гул и стук,двигающиеся тени*). На лексическом уровне следует указать на отбор слов, подчеркивающих отре-

шенность героини, ее одиночество, например: «Приходили ночи, томительные, долгие...; Проходили дни еще более томительные...; Сонные лица, скучное однообразие...» [Серафимович А.С., 1966, с. 171].

Антонимы *ночи – дни, будущее – прошлое, мерцающий – немеркнущий, немолчный говор – молчание* не столько служат для противопоставления, сколько, объединяя выражаемые ими понятия, создают впечатление бесконечности времени и пространства, например: «А впереди лежали целые недели и тысячи верст пути» [Серафимович А.С., 1966, с. 171].

Этой же цели служат и синтаксические выразительные средства: нагнетание обособленных и необособленных согласованных определений; синтаксический параллелизм, повторы, инверсия и т. п., например: «Угрюмая, одинокая...Она заслоняла будущее, прошлое, заслоняла мысли, соображения, предстоящие, неодолимые препятствия, стояла, заслоняя небо, одна во вселенной, молчаливая, немая, с непокорной тайной...» [Серафимович А.С., 1966, с. 171]. Синтаксическое построение накладывает свой отпечаток на общий интонационный рисунок текста: преобладает перечислительная интонация, повествовательно-индифферентная. Отрывок отличается органической цельностью (семантической, грамматической, интонационной).

Язык писателей отличают отказ от жестких ограничений в сочетаемости слов, обращение к единицам разных стилистических пластов, объединение высокой и разговорной

лексики, просторечия и иноязычных слов. Для художественного повествования Ф.М. Достоевского и А.С. Серафимовича характерна постепенность в передаче действий, событий, движений, состояний, мыслей, чувств как осуществляющихся во времени, «дробность изображения и отсюда – эстетически обусловленная последовательность глаголов» [Кожина М.Н., 1992, с. 107].

Таким образом, видо-временная соотносительность глаголов в художественном тексте приобретает особое значение. Сочетание видо-временных форм глагола в одном контексте имеет большие изобразительно-выразительные возможности, некоторые из них характеризуются дополнительной экспрессивной окраской.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М., 1976.
2. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). – М., 1976.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 6-ти т. / М.: Художественная литература, 1986. – Т.1 – С. 444-472.
4. Завьялов В.Н. Вариативность видо-временных форм глагола как объект прагматического анализа (на материале одной союзной конструкции) // «Язык. Культура. Личность: Межвузовский сборник научных трудов». – М., 2004. – С. 29-32.
5. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М., 1992.
6. Серафимович А.С. Повести и рассказы. – М., 1966.
7. Шаповалова Т.Е. Синтаксическая категория времени в простом предложении с временными отношениями // Семантика грамматических форм и речевых конструкций. – М., 1991. – С. 37-42.